

ИНВАЙРОНМЕНТАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

«ХВАТИТ ГАДИТЬ НАШУ ЗЕМЛЮ»: РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Светлана Александровна Тулаева^{аb} (tulaeva-sa@ranepa.ru),
Анна Валентиновна Немировская^а (annanemirov@hse.ru)

^а НИУ ВШЭ — СПб, Санкт-Петербург, Россия

^b СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Тулаева С.А., Немировская А.В. (2024) «Хватит гадить нашу землю»: региональная идентичность и экологическая мобилизация в российских регионах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 216–246.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.10>. EDN: DGYUTB

Аннотация. В последние годы в российских регионах усилились экологические протесты. При этом уровень протестной активности населения не находится в прямой зависимости от степени экологических угроз, а обусловлен различными политическими и социальными факторами. В качестве одного из основных факторов, способствующих мобилизации населения, исследователи называют региональную идентичность. В данной работе мы отвечаем на вопрос, почему региональная идентичность оказывается важной и какие ее элементы актуализируются в процессе экологической мобилизации в российских регионах. Результаты исследования показывают, что мобилизация населения опиралась на такие компоненты региональной идентичности, как противопоставление регионов центру, периферийность, этничность, историческое прошлое. Экологическая повестка оказалась значимой в связке с представлениями о социальной несправедливости. Природные объекты имели прежде всего социальную значимость для местных жителей. Экологические проблемы зачастую представлялись как угрозы национальной культуре, традиционному образу жизни, религиозным и культурно-историческим объектам. В то же время глобальные экологические ценности артикулировались в основном профессиональными экологами. Кроме того, в некоторых случаях сильная коллективная идентичность могла способствовать экологической демобилизации и сопротивлению тем природоохранным проектам, которые вступали в противоречие с интересами местного населения. Таким образом, низовая экологическая мобилизация в России связана с представлениями о неравномерном распределении ресурсов и с ценностями выживания.

Ключевые слова: экологическая мобилизация, экологические протесты, региональная идентичность, российские регионы.

Введение

В последние годы по российским регионам прокатилась волна экологических протестов, вызвавшая пристальное внимание исследователей, которые пытаются найти ответ на вопрос, с чем может быть связан всплеск экологической мобилизации. С одной стороны, экологическая повестка оказывается важна для обществ с высоким уровнем жизни и укоренившимися постиндустриальными ценностями, которые, согласно пересмотренной концепции модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля, включают экологические ценности и гуманистическое восприятие экологических проблем как долгосрочных общественных угроз. С другой стороны, для россиян, ориентированных на ценности выживания, экологические проблемы среды, в которой они живут, также могут быть весьма значимы, поскольку связаны с эгоцентрическим восприятием угроз и относятся к базовым потребностям человека в безопасной жизни, доступу к качественным природным ресурсам и сохранению своего здоровья (Инглхарт, Вельцель 2011). В связи с этим экологические проблемы в российском обществе зачастую интерпретируются в контексте традиционных ценностей (Kuzmina 2022; Щербак и др. 2023). Кроме того, экологическая проблематика оказывается связана со многими социальными и политическими проблемами и становится одной из немногих возможных сфер проявления общественного недовольства в обществе с закрытой структурой политических возможностей.

В то же время в российских регионах мы наблюдаем разный уровень экологической мобилизации, который не всегда коррелирует со степенью экологических проблем региона. Как показывают исследования, наиболее высокий уровень экологической мобилизации за последние годы (2016–2021) наблюдался в Москве, Петербурге, Архангельской области, Татарстане, Башкирии, Республике Коми, Свердловской, Челябинской, Нижегородской, Калужской областях (Семенов и др. 2023). При этом большинство из этих регионов (не считая Свердловской и Челябинской областей) не относятся к территориям с наиболее высоким уровнем загрязнения окружающей среды (Зеленый патруль 2022). И наоборот, часть регионов, имеющих наиболее высокие показатели экологических проблем (Омская область, Забайкальский край, Якутия) не участвуют в экологических протестах. Если высокий уровень экологической мобилизации в Москве и Петербурге можно объяснить наибольшим распространением там постиндустриальных ценностей, то для других российских регионов такое объяснение не срабатывает.

В качестве альтернативного объяснения исследователи обращаются к особенностям региональной идентичности, которая связана с политическими, социальными, культурными аспектами регионального развития. Ряд исследований показывает связь между особенностями региональной идентичности и способностью населения региона к коллективным действиям (Туровский 1999; Туровский 2003; Гельман 2003; Туровец 2014). Отсюда возникает исследовательский вопрос: в каких случаях и почему региональная идентичность играет значимую роль в контексте экологической мобилизации? Какие элементы региональной идентичности актуализируются в процессе экологической мобилизации?

Региональная идентичность и экологическая мобилизация

Региональная идентичность связана с процессами самоидентификации жителей со своим регионом и выстраивается на основании представлений о природе, культуре, истории своего региона (Головнева 2017; Paasi 2003). Ряд исследователей делает акцент на социопсихологических механизмах формирования региональной идентичности. Так, Н.А. Шматко и Ю.Л. Качановым отмечается, что идентификация с территориальной общностью лежит в основе создания личностных смыслов индивидов, работая как механизм субъективного освоения социальной реальности. Так, индивид переживает социокультурные обстоятельства и характеристики территориальной общности как свои собственные. Граница или масштаб территориальной общности, к которой конкретный индивид ощущает свою причастность, зависит от условий его социализации, положения в обществе и в географическом пространстве (Шматко, Качанов 1998). Это подразумевает эмоциональное переживание места как физического, социального, культурного пространства. В англоязычной литературе эти процессы рассматриваются через концепцию «привязанности к месту» (place attachment) (Головнева 2017; Proshansky et al. 1983). Привязанность к месту коррелирует с продолжительностью проживания, отражает социальные и физические аспекты, важность которых варьируется как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. В противовес привязанности к месту существует также феномен «разрушения места» (place disruption). Причинами разрушения эмоциональных связей человека с определенным местом могут быть изменения окружающей среды и экологические катастрофы, переезд, межгрупповой конфликт и пр. (Devine-Wright 2009).

Часть исследователей фокусируется на рассмотрении региональной идентичности в контексте исторически обусловленного пути развития (path dependency), который определяет паттерны регионального развития

(Патнэм 1996). История заселения и развития регионов формирует их политические, социально-экономические, культурные особенности и как следствие влияет на региональное самосознание. В этом случае региональная идентичность воспринимается как устойчивая, мало изменяемая характеристика регионального развития, связанная с региональными политическими культурами и историческим опытом (Гельман 2003).

Наконец, еще один подход базируется на конструктивистской парадигме и рассматривает идентичность как результат целенаправленной деятельности политических акторов, использующих это в своих интересах (Тилли 2009; Брубейкер 2012). В такой трактовке региональная идентичность является политическим феноменом и становится пространством борьбы различных акторов за доминирующие образы региона. Это включает в себя действия по конструированию общих смыслов и ценностей и поддерживает существование «воображаемых сообществ» на уровне регионов (Головнева 2014; Цумарова 2014; Busyгина 2002). Мы в большей степени будем опираться на последний подход и рассматривать региональную идентичность в контексте мобилизацию жителей региона на коллективные действия.

Региональная идентичность может являться основой для развития «идентичности сопротивления», посредством которой региональные акторы противостоят негативным последствиям политической и экономической глобализации или политики федерального центра (Castells 2011; Ачкасов 2005). В процессе формирования «идентичности сопротивления» усиливается противопоставление себя «другим» и увеличивается значимость принадлежности сообществу (Della Porta, Mattoni 2014). В таком случае подчеркивается динамический аспект любой коллективной идентичности, которая может видоизменяться в зависимости от действий акторов. Несмотря на то что до начала мобилизации существуют какие-то коллективные представления, связи, интересы, способные послужить сырьем для коллективной идентичности, в процессе мобилизации они могут быть заново артикулированы и использованы для ее усиления и успешного коллективного действия (Jian, Chan 2016). Такая «перезагрузка» идентичности может достигаться за счет эффективного фреймирования проблемы, в ходе которого актуализируются важные для сообщества темы (Snow, McAdam 2000). Таким образом, можно говорить, что коллективная идентичность резонирует со стратегиями фреймирования. Последние оказываются удачными, если задевают какие-то проблемы, важные для индивида и сообщества. В этом случае фреймирование становится фактором, опосредующим связь между уровнем угроз сообществу, мобилизацией населения и коллективной идентичностью (Deng, Yang 2013).

Сильная региональная идентичность влияет на степень обеспокоенности состоянием окружающей среды и готовность ее защищать (Castells 2011). Более того, некоторые исследования показывают, что она оказывается более значимым фактором, влияющим на экологическую мобилизацию, чем приверженность постиндустриальным ценностям и качество жизни (Brieger 2004). Д. Уззел и его коллеги показывают, что в сообществах с хорошо развитой локальной идентичностью люди более склонны поддерживать экологически устойчивые практики и проекты (Uzzell et al. 2002). В исследовании М. Воркина и Х. Рииса, посвященном борьбе местных сообществ против развития гидроэнергетического проекта в одном из норвежских муниципалитетов, демонстрируется, что степень привязанности к месту стала ключевым фактором, объясняющим отношения населения к этому проекту и превосходящим по значимости все социально-демографические характеристики (Vorkinn, Riese 2001). М. Туровец анализирует влияние на экологическую мобилизацию в Воронежской области региональной идентичности, которая сложилась на основании гордости местной природой, чистотой рек, красотой природных ландшафтов. Представления об уникальности местной природы были соединены с исторической памятью защиты этих мест и способствовали активным выступлениям местных жителей под лозунгами «защиты родной земли». При этом в процессе экологических протестов происходило дальнейшее укрепление и видоизменение региональной идентичности (Туровец 2014). На примере экологической мобилизации в одной из китайских провинций описывается, как коллективная идентичность была реконструирована в условиях определенного политического контекста. Пересборка коллективной идентичности в ходе протестов способствовала успешной вербовке сторонников и лояльности местных элит. Это показало, что коллективная идентичность не является статичным свойством группы, основанном на их общей истории, культуре, территории, а прагматично используется протестующими как гибкая стратегия (Jian & Chan 2016).

Однако просто высокая степень привязанности к месту и наличие экологической угрозы не всегда являются достаточным условием для экологической мобилизации. Важными оказываются особенности восприятия природных объектов сообществом и связанные с этим ценностные приоритеты. У. Шульц выделяет три основных типа экологических установок жителей: эгоистические, социально-альтруистические и био-сферные. Все эти типы отношений подразумевают заботу об окружающей среде, но каждый из них основан на разных основополагающих ценностях. Например, тех, кто придерживается эгоистичных взглядов на окружающую среду, загрязнение воздуха будет беспокоить прежде всего из-за воздей-

ствия на их здоровье. Социально-альтруистические установки ориентированы на общую заботу о своем сообществе. Биосферные отношения основаны на признании ценности всех живых видов (Schultz 2002). Если экологическая мобилизация в постиндустриальных обществах во многом связана с вниманием к биосферным ценностям, то в странах с более низким уровнем жизни экологические протесты могут быть менее мотивированы экологическими опасениями, чем стремлением отстаивать собственные интересы или оспорить несправедливое с точки зрения сообщества решение. Так, в работе (Jian & Chan 2016) показывается, что массовая мобилизация местных крестьян против строительства трубопровода вызвана не столько экологическими угрозами, сколько незаконным изъятием земли, которое осуществлялось для реализации этого проекта. При этом активисты движения смогли успешно связать экологические риски с представлениями о несправедливом решении в отношении крестьянских земель, что привело к сильным протестам. В некоторых случаях важным оказывается, на кого возлагается ответственность за экологические риски. Так, исследование экологических протестов в одной из китайских провинций показывает, что если в качестве виновника выступали аутсайдеры (внешние компании, пришедшие в провинцию), то это усиливало недовольство и способствовало протестам. И наоборот, если причиной экологических проблем становился неэкологичный бизнес односельчан, то это не вызывало недовольства (Deng, Yang 2013). Таким образом, социальная значимость природного объекта для сообщества выступает в качестве своеобразного сцепления между региональной идентичностью и экологической мобилизацией.

Исследователи выделяют несколько ключевых компонентов региональной идентичности, способных влиять на мобилизацию населения в российских регионах. К ним относятся этничность, историческое прошлое, территориально-пространственные особенности, противопоставление федеральному центру (Гельман 2003; Головнева 2017; Туровский 2014; Busygina 2002; Rutland 2015). Мы проанализируем, как элементы региональной идентичности актуализируются в контексте экологических протестов в российских регионах.

Материалы и методы

Основываясь на уже проведенных исследованиях, где были выделены ключевые компоненты региональных идентичностей россиян, мы хотим посмотреть, какие из них оказываются значимыми при экологических протестах. Мы отталкиваемся от предположения о том, что в ходе экологической мобилизации в регионах жители обращаются к наиболее значи-

мым для них идеям и способам говорить о своем регионе. Успешное фреймирование событий резонирует с особенностями коллективной идентичности и увеличивает готовность населения к коллективным действиям (Snow, MacAdam 2000). Мы предполагаем, что на основе анализа заявлений протестующих на митингах, материалов региональных СМИ и социальных сетей, а также интервью с активистами можно выделить наиболее значимые для жителей репрезентации своего региона в контексте экологической проблематики.

Методологической основой работы стали качественные методы исследования (полуструктурированные интервью, анализ документов). Работа базируется на материалах, собранных с 2006 по 2023 г. и представляет результат многолетних исследований экологического движения в России. Объединение исследовательских материалов, собранных в течение нескольких лет, позволило написать обзорную работу, освещающую разные аспекты экологической мобилизации в России в контексте региональных особенностей. В то же время это накладывает ряд методологических ограничений. Прежде всего в разные годы материал собирался в рамках общей темы экологической мобилизации в России, но с различным исследовательским фокусом. Однако это ограничение было скорректировано большим количеством данных, позволяющих провести их триангуляцию и отобрать те исследовательские материалы, которые наилучшим образом отвечают проблематике данной статьи. Основными источниками стали полуструктурированные интервью, документы и материалы СМИ. Интервью собирались с экологическими активистами, участниками экологических протестов, представителями экологических организаций. Значительная часть вопросов в интервью касалась причин обеспокоенности населения экологическими проблемами, стратегиями экологической мобилизации, взаимодействием с органами власти и добывающими компаниями. Всего использовано 40 интервью. Все интервью транскрибированы и проанализированы методом осевого кодирования. Часть материалов собрана в ходе изучения публикаций в региональных СМИ, документов региональных органов власти. Были использованы материалы с сайтов экологических организаций, а также материалы социальных групп экоактивистов в «ВКонтакте» и «Телеграме». В исследовании рассматривались случаи экологической мобилизации, связанные со следующими компонентами региональной идентичности: этничность, историческое прошлое, пространственно-территориальные особенности, противопоставление регионов федеральному центру. Все это позволило реконструировать основные тенденции экологической мобилизации в российских регионах в контексте их региональных особенностей.

Экологическая мобилизация и региональная идентичность в российских регионах

«Хватит гадить нашу землю!»: экологическая мобилизация и этнический фактор

Важным компонентом региональной идентичности является этничность, понимаемая как процесс социально сконструированных воображаемых общностей, основанный на вере в естественные и природные связи, на едином типе культуры и идее об общности происхождения и истории (Тишков 2019). Представления об особенностях этнической группы легко увязываются с особенностями природной среды, в которой она проживает. К. Шварц на примере Латвии показывает, как представления о том, кто такие латыши, и дальнейшие сценарии развития латышской нации связывались с идеями о бережном отношении латышей к своей земле и природе. Так, подчеркивалось, что латыши должны в первую очередь защищать наследие дикой природы, которое занимает центральное место в международных обязательствах латышей как граждан новой Европы, а также в пастырской традиции, тесно связывающей природу с «латышским характером» (Schwartz 1999). Переплетение экологических проблем с вопросами защиты национальной культуры зачастую становится мощным фактором протестной активности населения (Тулаева, Снарский 2022). В качестве основных причин здесь выступают локальные экологические проблемы, вызванные стремлением противостоять промышленному освоению земель, имеющих культурно-религиозное или экономическое значение для какой-то этнической группы (Balzer 2015; Stammler, Peskov 2008; Wilson 2019). Примером актуализации экологической проблематики через обращение к вопросам этничности могут служить низовые протесты коренных народов, которые защищают свои земли, являющиеся основой их экономического существования и национальной культуры (Lubarda 2018). Так, в 2015–2018 гг. наблюдались сильные протесты саамов в Финляндии против строительства железной дороги, которая должна была пройти через районы их проживания и угрожала их традиционному занятию оленеводством (Nysten-Haarala et al. 2021).

Для современной России как многонационального государства, в котором не существует хорошо разработанной национальной политики, соединение экологических проблем с этническим фактором становится одним из наиболее серьезных вызовов (Rutland 2010; Yusupova 2018). В российских регионах, где этничность является важной составляющей коллективной идентичности, экологическая проблематика достаточно легко

соединяется с вопросами защиты национальной культуры и исконных территорий проживания. Одной из наиболее активных групп, выдвигающих природоохранные требования, являются коренные народы. С одной стороны, коренные народы представляют собой определенные этнические группы, объединенные общим происхождением, культурой, историей. С другой стороны, их образ жизни тесно связан с окружающей средой. Основными видами хозяйственной деятельности для многих из них до сих пор остаются рыболовство, охота, оленеводство. Кроме того, их верования и фольклор также основываются на воспевании и обожествлении каких-либо природных объектов. Наиболее шумевшие экологические протесты коренных жителей произошли на Сахалине в 2005–2007 гг., в Якутии в 2000-х годах, в ХМАО в 2015–2017 гг., в Республике Коми в 2014–2020 гг. Так, в ХМАО конфликт разгорелся из-за передачи компании «Сургутнефтегаз» части земель, имевших важное хозяйственное и ритуальное значение для хантов и манси. На этих территориях находились священные для коренных народов озера Нумто и Илмор, где местные жители проводили свои ритуалы:

У нас вот священное озеро Илмор они все испоганили. Вот тут в Тром-Агане священное место. Все испоганили... Я слышу, вот Нумто тоже священное озеро. Все нефтяники туда лезут. Надо запретить, чтобы священное место не трогали. Мы же в церковь не лезем (коренной житель — 1, ХМАО, 2017).

Нашем традиционный образ жизни меняется, если они сильно близко подходят. Не будет традиционного образа жизни, мы не пойдем в города. Мы теряем свою культуру (коренной житель — 2, ХМАО, 2017).

При этом коренные жители подчеркивали, что все основные выгоды от использования местных природных ресурсов получала компания, в то время как уровень жизни самих местных жителей оставался крайне низким:

Мы на газе живем и без газу... Через село прошел газ, а что это такое, мы не знаем. Едем в лес, пилим дрова, возим на лошадях, и, кажется, все в мире хорошо. То, что добывается, должно идти на пользу местному населению (местная жительница, ХМАО, 2017).

Подобные протесты регулярно происходят в Республике Коми между коми-ижемцами и компанией «Лукойл» на протяжении последних 15 лет.

Наиболее активные протесты против деятельности Лукойла проходят в Ижемском районе, где сосредоточено основное население коми-ижемцев и активно действует национальное движение «Изьватас». Наряду с требованиями о сохранении культуры данной группы и признания официального статуса КМНС, оно принимает активное участие в экологических протестах. Также в республике работает Комитет спасения Печоры, который сотрудничает с движением «Изьватас» и курирует экологическую повестку в регионе. Основные претензии местных жителей были связаны с постоянными разливами нефти и загрязнением местной природы. Одним из основных лозунгов протестующих был «Хватит гадить нашу землю!» (Жители Ижмы... 2016). Протестующие подчеркивали значимость природы как основы существования своего народа, отсутствие возможности управлять своими землями, несправедливое распределение выгод и издержек от эксплуатации местных природных ресурсов, игнорирование местных проблем властью:

Мы не имеем права управлять своими ресурсами, своими территориями. Мы добиваемся, чтобы у нас были равноправные отношения с компанией. Мы имеем право на здоровую окружающую среду. Чтобы соблюдалось природоохранное законодательство. И если компания работает на наших землях, то мы должны иметь что-то для развития своего народа и своих территорий. Сейчас мы этого ничего не имеем (представитель организации «Изьватас», Республика Коми, 2014).

В ходе выступлений активисты также апеллировали к исторически сложившимся особенностям своей этнической группы, особому характеру коми-ижемцев, подчеркивая, что «ижемцы — народ, который готов бороться против несправедливости» (Коми-ижемцы... 2014).

Один из наиболее громких экологических протестов за последние годы случился в Башкирии и был связан с защитой шихана Куштау в 2020 г. В защите шихана приняло участие большое количество самых разных людей, выступивших против его разработки компанией «Сода». Одной из наиболее заметных групп были башкиры, для которых шиханы имели важное религиозное и культурное значение. Учитывая, что перед этим в республике была проведена непопулярная языковая реформа, уменьшившая роль башкирского языка в школах, угроза национальному памятнику природы была воспринята, в том числе как проблема защиты башкирского народа. «Для меня эта гора священная, потому что горы эти я не знаю сколько раз проходил. Здесь, ну как сказать вам... вот если потеря

горы — это для меня потеря жизни почти» (Потеря горы... 2020). Структурой, которая активно поддержала движение в защиту Куштау, стала национальная организация «Башкорт». Она участвовала в координации движения, мобилизации его участников, организации акций. Сохранение шихана многие участники восприняли прежде всего как победу башкирского народа.

В целом опыт участия в этих конфликтах, а в случае Башкирии и успех, способствовали активизации экологического движения в российских регионах и распространению экологического протеста.

**«Здесь сердце России, и оно не продается»:
экологическая мобилизация и славное прошлое**

Многие исследователи указывают на роль культурно-исторического наследия в формировании региональной идентичности. Классическим примером является исследование Р. Патнэма, посвященное итальянским регионам, в котором он доказывал, как разный исторический опыт сформировал разные региональные традиции гражданской активности (Патнэм 1996). Российские исследователи показывают, что регионы, имеющие многовековой опыт развития как культурно-политических центров, демонстрируют более сильную региональную идентичность (Туровский 2003). В качестве примеров называются Новгород, Псков, Смоленск, Владимир, Ярославль, где региональные политические элиты при формировании региональной идентичности активно обращались к славному прошлому. Это сопровождалось восстановлением старой или созданием новой символики, обращенной к истории региона, проведением праздников, связанных с событиями региональной истории. Интересно, что в ходе такой исторической реконструкции внимание уделяется особенностям местной природы и ее соединению с определенными историческими событиями, подчеркиваются какие-то уникальные природные особенности региона, которые вписываются в его общую историческую канву. Примером может служить брянский лес, который позиционируется как уникальный природный объект, хранящий память о Великой Отечественной войне (Туровский 2003).

Наиболее ярким примером здесь может служить Воронежская область. Обращение к истории региона в ходе экологических протестов активно использовалось в Воронежской области, культивирующей казачью историю как основу своей региональной идентичности (Туровец 2014). Конфликт возник из-за разработки никелевых месторождений и строительства никелевого комбината. Реализацией промышленного проекта должна была заниматься Уральская горно-металлургическая компания (УГМК), полу-

чившая лицензию на разработку месторождения. Это вызвало недовольство местного населения, опасавшегося, что добыча никеля может привести к ухудшению экологической ситуации в регионе. Проект был воспринят местными жителями как способ личного обогащения для руководства компании за счет национальных богатств, а также как угроза местному укладу жизни и здоровью людей. Протестное движение началось в 2012 г. и продолжается уже много лет. Наиболее активная фаза протеста проходила в 2013–2015 гг. Для противостояния добыче никеля созданы экологические движения «Зеленая лента», «Стоп никель», «В защиту Хопра», «Зеленая защита», которые взяли на себя координацию протестных действий. В этот период были проведены многотысячные митинги, организованы экологические лагеря и народные патрули, случались столкновения с ЧОПом.

Одной из наиболее заметных групп, поддержавших эти протесты, стали казаки. Участники протеста активно апеллировали к историческому прошлому своего региона: «Здесь сердце России, и оно не продается»; «Вставайте, люди русские, пора землю русскую защищать!» (В Воронежской области... 2013). Активисты подчеркивали особый исторический опыт региона, связанный с казачьей вольницей и исторически обусловленными практиками самоуправления:

Как чиновничество, так и владельцы УГМК явно не поняли, что казаки по стереотипу поведения отличаются от основной массы русских. Все-таки на Дону долго существовала демократическая республика, да и после ее уничтожения сохранились традиции местного самоуправления на низовом уровне. Казаки не похожи на «терпением изумляющий народ» (Бунт на Хопре 2013).

В выступлениях протестующих использовалась такая исторически окрашенная риторика, как «лечь костями», «земля предков», «заповедные места» (В Воронежской области... 2013). Зачастую в качестве наименования региона протестующие использовали историческое название Черноземье, которое должно было подчеркнуть роль региона как «житницы России» (Казаки против никеля 2017). Добыча никеля рассматривалась как чуждый для данного региона вид хозяйственной деятельности, который может нанести урон традиционным отраслям народного хозяйства, а УГМК позиционировалась как «враг Отечества». В ходе протестных акций использовались следующие исторические символы и ритуалы: казачьи знамена, поднимавшиеся во время митингов; памятные кресты, около которых собирались протестующие; проведение казачьего круга,

на котором была сформулирована позиция казачества в отношении добычи никеля (Казачи и антиникелевое движение... 2014). Проводимые акции также фреймировались как продолжение исторических традиций и славного прошлого. Например, одно из наиболее мощных выступлений протестующих, повлекшее за собой столкновение с работниками компании, прошло 22 июня 2013 г. под девизом «Дать отпор оккупантам», что содержало явные исторические параллели с Великой Отечественной войной.

Многие из протестующих подчеркивали свою приверженность консервативным ценностям и неприятие либеральных взглядов. При этом часть движения поддерживала националистический дискурс про «умерщвление России», «геноцид русского народа». Однако это вызвало недовольство многих протестующих и в дальнейшем привело к расколу движения. Окончательное решение по данному промышленному проекту не принято до сих пор.

**«Мы для Москвы — колония»:
экологическая мобилизация и противопоставление центру**

Еще одним основанием региональной идентичности может являться противопоставление другим территориям, в частности федеральному центру. Такое противостояние характерно для стран, склонных к внутреннему колониализму, подразумевающему эксплуатацию центром своей периферии (Эткинд 2013; Hechter 1977; Palacio 2013). Это приводит к неравномерному развитию территорий, политическому и экономическому неравенству между ними, доминированию интересов центра. Региональная стратификация, являющаяся результатом внутреннего колониализма, увеличивает недовольство населения периферийных районов и может стать причиной социального недовольства. Этот процесс имеет глобальный характер и свойственен разным странам, которые не так давно переживали процесс государственного освоения новых территорий, установления границ или проходят через материальное присвоение внутренних или приграничных ландшафтов в настоящее время. Так, с актуализацией экологической повестки происходит переопределение территории Амазонии, связанное с развитием как национальных экономических проектов, так и с локальными конфликтами между центральной государственной властью и местными, аборигенными жителями за право пользоваться экстрактивными и природными ресурсами. При этом в фокусе экологической мобилизации неизбежно манифестируется региональная идентичность, тесно связанная как с территориальным, так и с этническим самоопределением (Vadjunec, Schmink, Greiner 2011; Palacio 2013).

Как считает ряд исследователей, России свойственен внутренний колониализм в разные периоды ее истории, что стало одной из причин напряжения между Москвой и российскими окраинами. Современные отношения российских регионов и Москвы также характеризуются неравномерным распределением ресурсов, незнанием федеральным центром местной специфики, непрозрачными механизмами принятия решений (Задорин 2018). Это осложняет реализацию политики федерального центра по культурной унификации регионов и способствует поддержанию региональной идентичности (Ачкасов 2005). Представления об асимметричных отношениях между центром и регионами подпитываются политикой федерального центра в отношении использования региональных природных богатств (Эткин 2013).

Значительная часть экологических протестов, прокатившихся по российским регионам в последние несколько лет, связаны с противостоянием Москве по вопросам утилизации московского мусора. Наиболее известные протесты состоялись в Архангельской области в связи со строительством мусорного полигона на станции Шиес в 2018–2020 гг. Недовольство протестующих было связано с угрозой московского мусора для уникальной северной природы и с экологическими рисками для населения. Одно из основных движений, противостоящих московскому мусору в Архангельской области, называлось «Поморье — не помойка». Также была создана межрегиональная организация «Стоп-Шиес», объединившая многочисленные общественные движения, выступавшие против строительства полигона. Основные лозунги протестующих апеллировали к несправедливому распределению ресурсов между Москвой и регионом и к необходимости защитить природу Севера: «Мы для Москвы — колония»; «Север — не московская помойка» (Васильева 2019). Участники протеста говорили об эксплуатации региональных ресурсов Москвой, об отсутствии понимания в Москве значимости и особенностей региона, об отношении Москвы к жителям регионов как людям второго сорта, о неравноценном обмене между Москвой и регионом:

Мы стояли за свое на своей земле. Большинство готовы жизнь отдать, но не дать загубить ту среду, которая там. Потому что северный лес... Люди занимаются охотой, собирают какие-то грибы в этих лесах. Для них это пропитание. Они не хотели, чтобы у них это забрали. И потому что на Москву давно надежды нет. <...> Я приехала на болота, было минус 42 градуса. У нас не было связи, ничего не было. Но люди ехали за свою землю (участница Шиеса, Архангельская обл., 2023).

В ходе протеста актуализировался дискурс исторического пути развития региона как Поморья и Русского Севера, т.е. территории, которая издавна населена отважными мореходами и охотниками, бесстрашно осваивавшими суровую северную природу и помогавшими Москве в колонизации Севера. Поморы не являются официально признанным народом, а рассматриваются как субэтнос, представители которого живут на побережье Белого моря и занимаются рыболовством. Несмотря на то что большинство протестующих не имело отношения к поморам, обращение к истории Поморья стало одним из оснований, сплотивших жителей Архангельска. В частности, это проявилось в постоянном использовании таких географических терминов, как Поморье и Север.

Подобные протесты прокатились в 2018–2020 гг. в Калужской, Ярославской, Калининградской областях. Они также были связаны с борьбой против московского мусора и содержали требования запретить его ввоз. В ходе этих протестов также произошла актуализация исторического прошлого региона: «Нет московскому мусору»; «Ярославль — не свалка Москвы»; «Из города-князя — в город грязи»; «Чистый воздух дороже московских денег» (В Ярославле устроили митинг... 2018). Помимо противопоставления Москве, протестующие сравнивали себя с жителями других регионов, подчеркивая свою готовность отстаивать свой регион. Например, в ходе мусорных бунтов в Калининградской области протестующие противопоставляли себя Челябинску, принявшему московский мусор. Одним из их лозунгов был «Наш город — не Челябинск».

Несмотря на противостояние московскому мусору и обиду на неравномерное распределение ресурсов между Москвой и регионами, политической оппозиции Москве не было. Протестующие не выдвигали требований, связанных с пересмотром отношений между Москвой и регионами. Более того, многие протестующие надеялись на поддержку своих требований федеральной властью. Одной из ключевых причин сложившейся ситуации многие участники считали незнание федеральной властью ситуации в регионах. Основное политическое недовольство сконцентрировалось на уровне региональных властей. В Архангельской и Ярославской областях жители подчеркивали недовольство своими губернаторами — варягами, назначенными Москвой и не заинтересованными в защите региональных интересов.

В целом эти протесты можно считать частично успешными, поскольку протестующие добились отмены строительства мусорных полигонов на отдельных территориях. Многие участники этих событий оценивали их как «народную победу», что увеличило веру людей в собственные силы и свою значимость. В то же время они не привели к серьезным институ-

циональным изменениям ни в сфере решения экологических проблем, ни и в сфере отношений между Москвой и регионами.

**«За уссурийскую тайгу»: экологическая мобилизация
и территориально-пространственные факторы**

Территориально-пространственные факторы включают в себя особенности природно-климатических условий, историю освоения территории, удаленность от центра, степень заселенности (Гельман 2003; Немировская, Фоа 2013; Задорин 2018). Наиболее часто о влиянии этих факторов на региональную идентичность говорят при изучении удаленных территорий, имеющих сложные климатические условия. Отдельное внимание в этой связи уделяется приграничным территориям, которые в научной литературе зачастую называются фронтами. Как правило, это малонаселенные регионы, находящиеся на большом расстоянии от центра и сравнительно недавно освоенные, чье социально-экономическое и политическое развитие обусловлено приграничным расположением и трансграничной коммуникацией (Немировская, Фоа 2013; Задорин 2018). Опыт жизни в сложных климатических условиях, периферийность и заброшенность территорий, отсутствие развитой социальной инфраструктуры для жизни формируют определенные социальные нормы и установки жителей региона, влияют на распространение представления жителей о своем регионе как территории, которую населяют люди с особым складом характера (Немировская, Фоа 2013). В то же время жители таких регионов могут более остро ощущать несовпадение интересов своего региона и федерального центра. Например, географическая удаленность от Москвы может усилить представления о том, что федеральный центр «не понимает» особенностей развития региона (Задорин 2018).

Примером региона-фронта, где в последние годы активизировались экологические протесты, может служить Приморский край. Здесь находится много компаний добывающей и химической отраслей, работают угольные порты, территории региона используются для хранения различного рода отходов. В связи с этим в Приморье на протяжении последних нескольких лет регулярно происходили экологические протесты. Так, в 2016–2020 гг. жители Приморья активно выступали против захоронения радиоактивных и ядерных отходов в своем регионе, которые должны были поступать с космодрома Восточный, а также от китайских и японских компаний. Несколько лет длились протесты жителей против угольной пыли, источниками которой выступают угольные порты. В 2019–2022 гг. в регионе проходили протесты против ликвидации ОППТ. В это же время до Приморья дошла волна «мусорных протестов» и жители боролись про-

тив строительства мусорных полигонов на территории региона. В большинстве случаев жители выступали против негативных последствий для здоровья и своего образа жизни: «Нам здесь жить»; «Мой ребенок — не шахтер»; «Требуем прекратить экоцид Приморского края»; «Не губи Приморье!» (Предотвратить экоцид... 2010). Жители подчеркивали социальные функции природных объектов, которые защищали: «Наши заказники — не для размещения грязных производств иностранных компаний, а для людей» (Массовый митинг... 2021; Природную территорию... 2021). Как и во многих других случаях, протестующие говорили о неравномерном распределении выгод и издержек от промышленных проектов: «Уголь! Для вас — деньги, для нас — болезни!» (Массовый митинг... 2021). Социальное недовольство жителей низким уровнем жизни, плохо развитой социальной инфраструктурой усиливало экологический протест в регионе:

Местные жители района очень серьезно настроены. Им нечего терять. У них и так все плохо: ни моста, ни нормальных дорог, ни водоснабжения, ни света, ни общественного транспорта, ФАПы работают раз в неделю (Жители Надеждинского района... 2023).

В ходе протестов жители Приморья подчеркивали уникальность природы своего края. В частности, говорили о важности сохранения таких редких видов животных, обитающих в регионе, как уссурийский тигр или дальневосточный леопард. «За наше прекрасное Приморье, за здоровые и чистые реки, почву, воздух, море, за наши чудесные неповторимые леса, нашу уссурийскую тайгу, которая ещё сохранилась почти рядом с нашими городами и селами» (Идет война народная... 2019). Или: «Тот дурак, кто грязному Уссурийскому заливу рад». Достаточно часто протестующими использовалась риторика, обращенная к истории защиты края от врагов, а промышленные компании, загрязняющие регион, сравнивались с оккупантами. Примером может служить резолюция с митинга во Владивостоке против вырубки деревьев, которая была зачитана под песню «Священная война»: «Мы помним подвиги наших дедов, которые выгнали интервентов с этой священной земли, и мы можем повторить их подвиг. Победа будет за нами» (Приморье... 2023).

В целом значительная часть экологических проблем в Приморье остается нерешенной до сих пор.

Региональная идентичность и экологическая демобилизация

В некоторых случаях сильная региональная идентичность может препятствовать развитию экологически-ориентированных программ

в регионе, если они воспринимаются как ущемляющие интересы местных сообществ. Например, энергетические проекты, связанные с решением проблемы климатических изменений и предполагающие установку ветряков и трансформацию местных пейзажей, могут вызвать протест местных жителей. В этом случае экологически ориентированные проекты транслируют чуждые значения, которые ослабляют местные ценности и трансформируют восприятие людьми их любимых мест (Devine-Wright 2009). С. Стол-Климан показывает, что процессы, поощряющие усиление групповой идентичности, способствуют кооперации местных сообществ в противодействии созданию охраняемых территорий в Германии (Stoll-Kleeman 2001). Аналогичные процессы описаны М. Бонайуто на примере Италии. Исследователи показали наличие значительных отрицательных корреляций между показателями привязанности к месту и отношением к созданию определенных национальных парков (Bonaiuto et al. 2002; Bonaiuto et al. 2016). Экологическая мобилизация также может быть осложнена в ситуации, если идентичность привязана к определенной истории освоения региона, связанной, например, с добычей природных ресурсов и покорением местной природы. Так, Д. Роджерс описывает успешную политику Лукойла по внедрению в местную социальную и культурную жизнь в Пермском крае и формированию представлений о добыче нефти как основы региональной идентичности (Роджерс 2021). В таких случаях крупные промышленные компании и органы власти, заинтересованные в промышленном освоении региона, могут успешно легитимировать свою деятельность, используя стратегии усиления идентификации населения с компанией. Как правило, это работает в условиях слабой региональной идентичности и препятствует обеспокоенности экологическими последствиями промышленной деятельности (Lewin 2019).

В российских регионах примерами противостояния природоохранным проектам могут служить выступления коренных народов против создания национальных парков. Организация природных заповедников предполагает введение особого режима природопользования на его территории и соответственно запрет на такие виды хозяйственной деятельности, как охота, рыбалка, рубка леса. Так, в 2015 г. в Приморском крае произошли выступления удэгейцев против национального парка «Бикин». Его создание привело к изъятию части охотничьих угодий коренных народов. Интересно, что до этого времени в 1990–2000 гг. удэгейцы регулярно организовывали успешные акции в защиту тайги от промышленных рубок, золотодобычи, строительства трассы. Создание национального парка, который мог бы гарантировать сохранение леса, но исключал использование его в интересах коренных жителей, они вос-

приняли негативно (В тихом омуте... 2017). Подобные протесты произошли в Туве и Хабаровском крае, где коренные жители выступили против создания национальных парков «Тыва», «Ануйский» и «Удэгейская легенда» (Тувинцы... 2019). Это нередко становилось причиной конфликтов между коренными жителями и экологическими организациями, с которыми они до этого кооперировались для защиты природных территорий от промышленного использования. Те же самые аргументы, связанные с защитой своей земли, национальной культуры и традиционного образа жизни, к которым коренные жители обращались при протестах против промышленных проектов, использовались и при спорах с экологами. В этих случаях этнический фактор, выступающий в качестве механизма сплочения группы, работал против инициатив экологов. Из интервью эксперта экоНПО:

Где-то у нас были конфликты и противоречия. По созданию ООПТ, например, на Дальнем Востоке. Мы добиваемся запрета флотского мазута. А РАЙПОН написал официальное письмо, что они от этого пострадают. Станет все дороже. Это же угроза. Мы же их защищаем от разлива мазута. А они... (эксперт НПО, Москва, 2021).

В подобных случаях в качестве основного аргумента использовался приоритет интересов местных сообществ над природоохранными требованиями и необходимость обеспечить доступ к природным ресурсам для местного населения.

В целом экологическая повестка востребована в сообществах с недостаточно высоким уровнем жизни в условиях зависимости их благополучия от состояния окружающей среды, ощущения социальной несправедливости от неравномерного использования природных ресурсов и наличия внутрigrупповых связей, позволяющих выразить свое недовольство публично.

Заключение

В последние годы уровень экологической мобилизации в российских регионах заметно увеличился, при этом он не всегда коррелировал с уровнем экологических рисков, а зависел от многих социальных и политических факторов. Одним из значимых условий мобилизации населения на коллективные действия являлись особенности региональной идентичности. Мы проанализировали, какие компоненты коллективной идентичности актуализировались в ходе экологических протестов в российских регионах. Наиболее активно протестующие обращались к следующим

аспектам: противопоставление регионов центру, подчеркивание периферийности региона, этничность, историческое наследие.

Во время многих протестов жители подчеркивали асимметричные отношения между Москвой и регионами, незначимость региональных экологических проблем для Москвы и федерального центра. В то же время такие «обиды на Москву» не конвертировались в политическое недовольство в отношении федерального центра, а вся ответственность за проблемы возлагалась, как правило, на региональные власти и компании. Помимо противостояния Москве, встречалось сравнение с опытом других регионов, что также позволяло выстраивать границы «мы-сообщества». Другим важным компонентом коллективной идентичности, актуализированным в экологических протестах, являлась этничность. Зачастую именно этнические группы, отстаивавшие свои права, оказывались наиболее активны. Это могли быть как титульные народы (например, башкиры в Башкирии), так и непризнанные этносы (например, коми-ижемцы). Так, протестам в Башкирии предшествовала непопулярная в республике языковая реформа, коми-ижемцы отстаивали право признания их коренным малочисленным народом. Требования защиты родной земли и национальной культуры легко увязывались с защитой природных территорий и объектов, которые представлялись значимыми национальными символами или источником благосостояния сообщества. Участниками и координаторами экологических протестов зачастую становились национальные организации («Башкорт» в Башкирии, «Изьватас» в Республике Коми, Ассоциация коренных народов Сахалина). Важно подчеркнуть, что не всегда этнические группы являются основной частью населения региона. Например, коренные народы, как правило, составляют лишь несколько процентов от остальной части населения. Поэтому не всегда можно говорить о том, что их ценности и приоритеты являются конституирующими для региональной идентичности в целом. В то же время, когда границы группы размыты, она представляет субэтнос и основанием для нее в первую очередь становится общее историческое прошлое и сходный образ жизни (поморы, казаки, сибиряки). В этом случае атрибуты такой группы более активно подхватываются другими протестующими. Например, так было во время протестов в Архангельской и Воронежской областях, когда обращения к поморской или казачьей идентичности активно использовались протестующими. Таким образом, еще одним важным аспектом региональной идентичности, который актуализировался в ходе экологической мобилизации, являлось историческое прошлое. Представления о славном прошлом своего края, память о важных исторических событиях, конституирующих границы сообщества, использовались для фреймиро-

вания протеста. Это были как события, относящиеся к истории региона и составляющие региональную идентичность, так и события общероссийской истории, служившие основой общероссийской идентичности. Например, в разных регионах в ходе экологической мобилизации обращались к риторике, связанной с памятью о Великой Отечественной войне, а промышленные компании позиционировались как «оккупанты».

Осознание важности экологической проблематики населением регионов также опосредовано действием в регионах акторов, активно продвигавших экологическую повестку. Речь идет о международных или российских экологических неправительственных организаций (НПО), работавших в регионах. Например, на Сахалине протесты коренных народов в 2005–2006 гг. против нефтедобывающих компаний были поддержаны крупным региональным НПО «Экологическая вахта Сахалина». В Иркутской области битва за Байкал в середине 2000-х годов координировалась региональной организацией «Байкальская волна». В Республике Коми долгие годы существует экоНПО «Комитет спасения Печоры», которое координирует борьбу местных жителей против нефтяных разливов. В некоторых случаях экологические протесты становились стимулом к созданию региональных экологических движений или организаций. Так, на волне экологических протестов в Архангельской области сформировалось движение «Поморье — не помойка», в Башкирии — движение «Зеленый щит», в Красноярском крае — движение «Чистое небо», в Воронежской области — «Зеленая лента», которые теперь формируют экологическую повестку в своих регионах.

Практически во всех случаях экологическая проблематика оказалась значима в связке с представлениями о социальной несправедливости. Природные объекты имели прежде всего социальную значимость для местных жителей. Они были любимыми местами отдыха, служили основой их традиционных занятий, имели религиозное значение, были источником обеспечения своих семей. Изъятие природных территорий под промышленные проекты воспринималось прежде всего с точки зрения ущерба сообществу. Одним из оснований для возмущения было то, что доходы от использования природных ресурсов в регионах получают федеральный центр или частные компании, в то время как местным жителям достаются преимущественно негативные экстерналии. Кроме того, недовольство местных жителей вызывало исключение их из процесса принятия решений относительно собственных территорий проживания. В ходе экологических протестов чаще всего выдвигались требования, связанные с осязаемыми и ощутимыми проблемами для самих жителей (загрязненный воздух, вырубка лесов, мусорные полигоны). Зачастую эти проблемы

представлялись как угрозы национальной культуре, традиционному образу жизни, религиозным и культурно-историческим объектам. В качестве основных действий протестующие использовали проведение митингов, обращения к региональным и федеральным властям, прямые столкновения с ЧОПовцами, охранявшими промышленные объекты, кооперацию с экологическими организациями. Также важную роль при фреймировании протестов играли такие символические акции, как установка памятных крестов, исполнение военных песен и национальных танцев, использование исторических знаков. Риторика, используемая протестующими, апеллировала «к защите родной земли», «борьбе с оккупантами», «сохранению земли предков». В то же время требования, связанные с глобальными экологическими проблемами (сохранение биоразнообразия, изменение климата) артикулировались в большей степени представителями экологических организаций, а не местными жителями. Именно для представителей международных и российских экологических организаций характерно связывать местные экологические проблемы с глобальным состоянием окружающей среды. Поэтому можно говорить о том, что низовая экологическая мобилизация в российских регионах происходит по принципу «природа для себя или для сообщества» и в большей степени связана с материалистическими (или «ценностями выживания» по Р. Инглхарту) и консервативными ценностями, нежели с глобальной экологической повесткой.

Наше исследование обрисовало лишь общие тенденции, связывающие между собой различные аспекты региональной идентичности и экологической мобилизации в российских регионах. Обозначенные тенденции требуют дальнейшего, более внимательного изучения. Важно проверить, способствовала ли экологическая мобилизация дальнейшему усилению/трансформации региональной идентичности. На основе материалов интервью можно предположить, что участие граждан в экологических протестах увеличило веру людей в свои силы и в свое сообщество. В случае успешных протестов участники говорили о «народной победе», «вере в свой народ», «силе народа». Однако у нас нет информации об устойчивости таких настроений. Другой важный вопрос, требующий отдельного исследования, касается политизации экологических протестов. С одной стороны, мобилизация населения усиливала внутrigрупповые связи и делала «воображаемые сообщества» более осозаемыми. Это связано с увеличением веры сообщества в свои силы, с расширением требований и стремлением к более серьезным институциональным изменениям. Кроме того, в ходе протестов экологической повесткой активно пытались пользоваться многие политические акторы, стремясь увеличить свою электоральную

поддержку в регионах. С другой стороны, многие участники экологических протестов стремились дистанцироваться от политических требований, и сами координаторы протестов признавали, что экологический митинг без политических требований способен привлечь намного больше участников. Если политические требования возникали, то они были обращены к региональным властям и, как правило, были связаны с требованиями отставки губернаторов. В связи с этим было бы важно изучить более широкие политические последствия экологической мобилизации.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Региональные и этнические идентичности как фактор низовой политизации и формирования экологической культуры: кросс-региональный анализ ценностных установок и стратегий поведения», № 23-18-00661.

Список литературы

- Ачкасов В.А. (2005) Этническая и региональная идентичность в российском поле политики. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 1: 68–82.
- Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп*. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое издательство.
- Гельман В.Я. (2003) Политические элиты и стратегии региональной идентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 6(2): 91–105.
- Головнева Е.В. (2017) Региональная идентичность и идентичность региона. *Tempus et Memoria*, 12(3/167), 182–189.
- Головнева Е. (2013) Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, 5: 42–50.
- Задорин И.В. (2018) Регионы рубежа: территориальная идентичность и восприятие личности. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*, 2(89): 102–136.
- Немировская А.В., Фoa Р. (2013) Социокультурные особенности фронта России. *Социологические исследования*, 4: 80–88.
- Патнем Р. (1996) *Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem.
- Роджерс Д. (2021) *Недра России. Власть, нефть и культура после социализма*. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press.
- Семенов А., Снарский Я., Ткачева Т. (2023) Темпоральная и кросс-региональная вариация в экологической протестной активности россиян. *Социологические исследования* (в печати).
- Тилли Ч. (2009) Историческая социология. *Социологические исследования*, 5: 95–101.

Тишков В. А. (2019) Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы. *Вестник Российской академии наук*, 89(4): 408–412.

Тулаева С., Снарский Я. (2022) Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах. *Laboratoria: Russian Review of Social Research*, 14(3): 4–33.

Туровец М. В. (2014) Протест как рациональное действие. *Политическая наука*, 4: 236–252.

Туровский Р. Ф. (1999) Региональная идентичность в современной России. Р. Туровский (ред.) *Российское общество: становление демократических ценностей*. М.: Гендальф: 87–136.

Туровский Р.Ф. (2003) Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России. Р. Туровский (ред.) *Идентичность и география в современной России*. СПб.: Геликон Плюс: 4–36.

Цумарова Е.Ю. (2014) *Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия)*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Шербак А.Н., Зубарев Н.С., Семушкина Е.С. (2023) «Зеленые охранители»: взгляды российских консерваторов на решение экологических проблем. *Мир России* (в печати).

Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. (1998) Территориальная идентичность как предмет социологического исследования. *Социологические исследования*, 4: 94–98.

Эткинд А. (2013) *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. М.: Новое литературное обозрение.

Balzer M.M. (2015) Indigeneity, land and activism in Siberia. In: *Land, indigenous peoples and conflict*. L.: Routledge: 9–27.

Bell S.E., Braun Y.A. (2019) Coal, identity, and the gendering of environmental justice activism in central Appalachia. In: *Green Planet Blues*. L.: Routledge: 362–380.

Bonaiuto M., Alves S., De Dominicis S., Petrucci I. (2016) Place attachment and natural hazard risk: Research review and agenda. *Journal of Environmental Psychology*, 48: 33–53.

Bonaiuto M., Carrus G., Martorella H., Bonnes M. (2002) Local identity processes and environmental attitudes in land use changes: The case of natural protected areas. *Journal of economic psychology*, 23(5): 631–653.

Busygina I. (2002) Russia's regions in search of identity. *Acta Slavica Iaponica*, 19: 296–312.

Castells M. (2011). *The power of identity*. N.Y.: John Wiley & Sons.

Dawson J.I. (1996) *Eco-nationalism: Anti-nuclear activism and national identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham: Duke University Press.

Della Porta D., Mattoni A. (2014) Patterns of diffusion and the transnational dimension of protest in the movements of the crisis: An introduction. In: *Spreading protest. Social movements in times of crisis*. Colchester: ECPR Press: 1–18.

Deng Y., Yang G. (2013) Pollution and protest in China: Environmental mobilization in context. *The China Quarterly*, 214: 321–336.

Devine-Wright P. (2009) Rethinking NIMBYism: The role of place attachment and place identity in explaining place-protective action. *Journal of community & applied social psychology*, 19(6): 426–441.

Hechter M. (1977) *Internal colonialism: The Celtic fringe in British national development, 1536–1966* (Vol. 197). University of California Press.

Jian L., Chan C.K.C. (2016) Collective Identity, Framing and Mobilisation of Environmental Protests in Urban China: A Case Study of Qidong's Protest. *China: An International Journal*, 14(2): 102–122.

Kuzmina Y. (2022) “The Defenders of Shiyes”: traditionalism as a mobilization resource in a Russian protest camp. *East European Politics?* 39(1): 1–21.

Lewin P.G. (2019). “Coal is not just a job, it’s a way of life”: The cultural politics of coal production in Central Appalachia. *Social Problems*, 66(1): 51–68.

Lubarda B. (2018) Polluting outsiders: green nationalism as a concept-case study: Latvia. *Current Debates in Public Finance Public Administration & Environmental Studies*, 13(13): 436–446.

Nysten-Haarala S., Joona T., Hovila I. (2021) Wind energy projects and reindeer herders’ rights in Finnish Lapland: A legal framework. *Elementa: Science of the Anthropocene*, 9(1): 00037. <https://doi.org/10.1525/elementa.2020.00037>.

Paasi A. (2003) Region and place: regional identity in question. *Progress in human geography*, 27(4): 475–485.

Paasi A. (2013) Regional planning and the mobilization of ‘regional identity’: From bounded spaces to relational complexity. *Regional studies*, 47(8): 1206–1219.

Palacio G. (2023). Amazonian Frontiers: Borderlines, Internal Frontiers, and Political Ecology of Amazonia. *Oxford Research Encyclopedia of Latin American History* [<https://oxfordre.com/latinamericanhistory/view/10.1093/acrefore/9780199366439.001.0001/acrefore-9780199366439-e-1079>] (дата обращения: 01.08.2023).

Rutland P. (2015) Petronation? Oil, gas, and national identity in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 31(1): 66–89.

Rutland P. (2010) The presence of absence: Ethnicity policy in Russia. In: *Institutions, ideas and leadership in Russian politics*. L.: Palgrave Macmillan UK: 116–136.

Schultz P. (2002) Environmental attitudes and behaviors across cultures. *Online readings in psychology and culture*, 8(1): 4–35.

Schwartz K.Z. (1999) Nature, development and national identity: The battle over sustainable forestry in Latvia. *Environmental Politics*, 8(3): 99–118.

Snow D.A., McAdam D. (2000) Identity work processes in the context of social movements: clarifying the identity/movement nexus. In: Stryker S., Owens T.J., White R.W. (eds.) *Self, identity, and social movements*. University of Minnesota Press: 41–67.

Stammler F., Peskov V. (2008) Building a ‘culture of dialogue’ among stakeholders in North-West Russian oil extraction. *Europe-Asia Studies*, 60(5): 831–849.

Stoll-Kleemann S. (2001) Barriers to nature conservation in Germany: A model explaining opposition to protected areas. *Journal of environmental psychology*, 21(4): 369–385.

Vorkinn M., Riese H. (2001) Environmental concern in a local context: The significance of place attachment. *Environment and behavior*, 33(2): 249–263.

Uzzell D., Pol E., Badenas D. (2002) Place identification, social cohesion, and environmental sustainability. *Environment and behavior*, 34(1): 26–53.

Wilson E. (2019) What is benefit sharing? Respecting indigenous rights and addressing inequities in Arctic resource projects. *Resources*, 8(2): 74.

Yusupova G. (2018) Cultural nationalism and everyday resistance in an illiberal nationalising state: ethnic minority nationalism in Russia. *Nations and Nationalism*, 24(3): 624–647.

Источники

Бунт на Хопре (2013) *Экооборона* [<https://www.ecmo.ru/news/bunt-na-hopre-kommentarii-ekooborony>] (дата обращения: 25.06.2023).

В Воронежской области экологи объявили войну металлургам (2013) *Лента* [<https://lenta.ru/articles/2013/03/04/hoper/>] (дата обращения: 25.06.2023).

В тихом омуте: найдут ли компромисс коренные народы и руководство нацпарка «Бикин» (2017) *Новостной портал Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Дальнего Востока и Сибири* [https://raipon.info/press-tsentr/novosti/v-tikhom-omute-naydut-li-kompromiss-korennyie-narody-i-rukovodstvo-natsparka-bikin-/?special_version=Y] (дата обращения: 25.06.2023).

В Ярославле устроили митинг против ввоза мусора (2018) *Интерфакс* [<https://www.interfax.ru/russia/609115>] (дата обращения: 25.06.2023).

Васильева А. Это тайга, а не Манежная площадь (2019) *Коммерсант* [<https://www.kommersant.ru/doc/3983427>] (дата обращения: 25.06.2023).

Жители Ижмы отстаивали «сторожа» природной кладовой на митинге против упразднения минприроды Коми (2016) *Информационное агентство БНК* [<https://www.bnkomi.ru/data/news/55941/>] (дата обращения: 25.06.2023).

Жители Надеждинского района Приморья требуют найти другое место мусоросортировочному полигону (2023) *Новости. Владивосток* [<https://www.newsvl.ru/vlad/2023/04/17/216489/#ixzz88MfRPimZ>] (дата обращения: 25.06.2023).

Зеленый патруль (2023) Национальный экологический рейтинг. *Официальный сайт НПО «Зеленый патруль»* [<https://xn--80ajagmkdntlvn2hva.xn--p1ai/stranica-dlya-obshchego-reytinga>] (дата обращения: 25.06.2023).

«Идет война народная» (2019) *DEITA* [<https://deita.ru/article/454596>] (дата обращения: 25.06.2023).

Коми-ижемцы: мы не уезжаем, а потихонечку вымираем (2014) *Информационное агентство БНК* [<https://moi-goda.ru/komi-v-kurse-sobitij/komizhemtsi-mi-ne-uezzhaem-a-potichonechku-vimiraem>] (дата обращения: 25.06.2023).

Казачи против никеля (2017) *Урюпинская правда* [<https://uryupinka.ru/business/634-kazaki-protiv-nikelya>] (дата обращения: 25.06.2023).

Казачи и антиникелевое движение на Хопре (2014) *Казачий информационно-аналитический центр* [https://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/rossijskoe_kazachestvo/kazaki_i_antinikelevoe_dvizhenie_na_khopre/153-1-0-1281] (дата обращения: 25.06.2023).

Массовый митинг против химикатов прошел в Приморье (2021) *DEITA* [<https://deita.ru/article/504656>] (дата обращения: 25.06.2023).

«Начнем умирать как мухи» (2022) *DEITA* [<https://deita.ru/article/511014>] (дата обращения: 25.06.2023).

Предотвратить экоцид южного Приморья (2010) *Экодело* [https://ecodelo.org/791-predotvratit_ekotsid_yuzhnogo_primorya-zashchita_prav_grazhdan] (дата обращения: 25.06.2023).

Приморье встретило прямую линию с Президентом митингом (2019) *DEITA* [<https://deita.ru/article/455172>] (дата обращения: 25.06.2023).

Природную территорию хотят ликвидировать (2021) *DEITA* [<https://deita.ru/article/507711>] (дата обращения: 25.06.2023).

«Потеря горы для меня, как потеря жизни»: активист — о том, как живет лагерь защитников после боя за Куштау (2020) *Информационное агентство «Уфа-1»* [<https://ufa1.ru/text/incidents/2020/09/04/69454493/>] (дата обращения: 25.06.2023).

Тувинцы-тоджинцы добились приостановки превращения их родовых угодий в заповедник (2019) *Народы Севера* [<https://kmns.ru/blog/2019/03/11/tuvincy-todzhincy-dobilis-priostanovki-prevrashhenija-ih-rodovyh-ugodij-v-zapovednik/>] (дата обращения: 25.06.2023).

Список использованных интервью

№	Информант	место	дата
1.	Коренной житель — 1	ХМАО	2017
2.	Коренной житель — 2	ХМАО	2017
3.	Коренной житель — 3	ХМАО	2017
4.	Местная жительница	ХМАО	2017
5.	Местный житель	Республика Коми	2014
6.	Местный житель	НАО	2016
7.	Представитель НПО «Изьватас»	Республика Коми	2014
8.	Представитель НПО «Комитет спасения Печоры»	Республика Коми	2014
9.	Участник протеста	Архангельская область	2023
10.	Участница протеста	Архангельская область	2023
11.	Эксперт НПО	Москва	2021

“STOP SPOILING OUR LAND”: REGIONAL IDENTITY AND ENVIRONMENTAL MOBILIZATION IN THE RUSSIAN REGIONS

Svetlana Tulaeva^{ab} (tulaeva-sa@ranepa.ru),
Anna Nemirovskaya^a (annanemirov@hse.ru)

^a National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia

^b North-West Institute of Management, RANEPa, St. Petersburg, Russia

Citation: Tulayeva S.A., Nemirovskaya A.V. (2024) «Khvatit gadit' nashu zemlyu»: regional'naya identichnost' i ekologicheskaya mobilizatsiya v rossiyskikh regionakh [“Stop spoiling our land”: regional identity and environmental mobilization in the Russian regions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 216–246 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.10>. EDN: DGYYTB

Abstract. In recent years, environmental protests have intensified in Russian regions. At the same time, the level of protest activity in the population is not directly dependent on the degree of environmental threats but is due to various political and social factors. According to researchers, one of the main factors contributing to the mobilization of the population is regional identity. In this paper, we analyze why regional identity is important and what elements are actualized in the process of environmental mobilization in the Russian regions. The results of the study show that mobilization was based on such components of collective identity as the opposition of regions to the center, peripherality, ethnicity, and historical past. The environmental agenda turned out to be significant in conjunction with perceptions of social injustice. Natural objects were considered by local residents from the perspective of their social Environmental problems were mainly presented as threats to national culture, traditional ways of life, religious, and cultural-historical objects. At the same time, global environmental values were articulated mainly by professional ecologists. In addition, in some cases, a strong collective identity could contribute to environmental demobilization and resistance to those environmental projects that conflicted with the interests of the local population. Thus, grassroots environmental mobilization in Russia is mainly associated with ideas about the uneven distribution of resources and survival values.

Keywords: environmental mobilization, environmental protests, regional identity, Russian regions.

Acknowledgements

The work was supported by a grant from the Russian Science Foundation “Regional and Ethnic Identities as a Factor of Grassroots Politicization and Formation of Environmental Culture: Cross-Regional Analysis of Value Attitudes and Behavior Strategies”, no. 23-18-00661.

References

- Achkasov V.A. (2005) Etnicheskaya i regional'naya identichnost' v rossijskom pole politiki [Ethnic and regional identity in the Russian field of politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEKS], 1: 68–82 (in Russian).
- Balzer M.M. (2015) Indigeneity, land and activism in Siberia. In: *Land, indigenous peoples and conflict*. London: Routledge: 9–27.
- Bell S.E., Braun Y.A. (2019) Coal, identity, and the gendering of environmental justice activism in central Appalachia. In: *Green Planet Blues*. London: Routledge: 362–380.
- Bonaiuto M., Alves S., De Dominicis S., Petrucci I. (2016) Place attachment and natural hazard risk: Research review and agenda. *Journal of Environmental Psychology*, 48: 33–53.
- Bonaiuto M., Carrus G., Martorella H., Bonnes M. (2002) Local identity processes and environmental attitudes in land use changes: The case of natural protected areas. *Journal of economic psychology*, 23(5): 631–653.
- Brubaker R. (2019) *Etnichnost' bez grup* [Ethnicity without groups]. Moscow: Vyschaia shkola ekonomiki Publ. (in Russian).
- Busygina I. (2002) Russia's regions in search of identity. *Acta Slavica Iaponica*, 19: 296–312.
- Etkind A. (2013) *Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).
- Castells M. (2011). *The power of identity*. New York: John Wiley & Sons.
- Dawson J.I. (1996) *Eco-nationalism: Anti-nuclear activism and national identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham: Duke University Press.
- Della Porta D., Mattoni A. (2014) Patterns of diffusion and the transnational dimension of protest in the movements of the crisis: An introduction. In: *Spreading protest. Social movements in times of crisis*. Colchester: ECPR Press: 1–18.
- Deng Y., Yang G. (2013) Pollution and protest in China: Environmental mobilization in context. *The China Quarterly*, 214: 321–336.
- Devine-Wright P. (2009) Rethinking NIMBYism: The role of place attachment and place identity in explaining place-protective action. *Journal of community & applied social psychology*, 19(6): 426–441.
- Gelman V. (2003) Politicheskie elity i strategii regional'noj identichnosti [Political Elites and Strategies of Regional Identity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 6(2): 91–105 (in Russian).
- Golovneva E.V. (2017). Regional'naya identichnost' i identichnost' regiona [Regional Identity and Identity of Region]. *Tempus et Memoria*, 12(3): 182–189 (in Russian).
- Golovneva E. (2013) Regional'naya identichnost' kak forma kollektivnoj identichnosti i ee struktura [Regional identity as a form of collective identity and its structure]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies], 5: 42–50 (in Russian).
- Hechter M. (1977) *Internal colonialism: The Celtic fringe in British national development, 1536–1966* (Vol. 197). University of California Press.
- Inglehart R., Welzel K. (2011) *Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya* [Modernization, cultural change and democracy]. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Jian L., Chan C.K.C. (2016) Collective Identity, Framing and Mobilisation of Environmental Protests in Urban China: A Case Study of Qidong's Protest. *China: An International Journal*, 14(2): 102–122.

Kuzmina Y. (2022) “The Defenders of Shiyes”: traditionalism as a mobilization resource in a Russian protest camp. *East European Politics?* 39(1): 1–21.

Lewin P.G. (2019) “Coal is not just a job, it's a way of life”: The cultural politics of coal production in Central Appalachia. *Social Problems*, 66(1): 51–68.

Lubarda B. (2018) Polluting outsiders: green nationalism as a concept-case study: Latvia. *Current Debates in Public Finance Public Administration & Environmental Studies*, 13(13): 436–446.

Nemirovskaya A.V., Foa R. (2013) Sociokul'turnye osobennosti frontira Rossii [Sociocultural features of the Russian frontier.]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], (4): 80–88 (in Russian).

Nysten-Haarala S., Joonas T., Hovila I. (2021) Wind energy projects and reindeer herders' rights in Finnish Lapland: A legal framework. *Elementa: Science of the Anthropocene*, 9(1): 00037. <https://doi.org/10.1525/elementa.2020.00037>.

Paasi A. (2003) Region and place: regional identity in question. *Progress in human geography*, 27(4): 475–485.

Paasi A. (2013) Regional planning and the mobilization of ‘regional identity’: From bounded spaces to relational complexity. *Regional studies*, 47(8): 1206–1219.

Palacio G. (2023). Amazonian Frontiers: Borderlines, Internal Frontiers, and Political Ecology of Amazonia. *Oxford Research Encyclopedia of Latin American History* [<https://oxfordre.com/latinamericanhistory/view/10.1093/acrefore/9780199366439.001.0001/acrefore-9780199366439-e-1079>] (accessed: 01.08.2023).

Putnam R. (1996) *Сhtoby demokratiya srabotala: Grazhdanskie tradicii v sovremennoj Italii* [Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy.]. Moscow: Ad Marginem (in Russian).

Rodgers D. (2022) *Nedra Rossii. Vlast', nef' i kul'tura posle socializma* [Subsoil of Russia. Power, oil and culture after socialism.]. St. Petersburg: Bibliorossika; Boston: Academic Studies Press (in Russian).

Rutland P. (2015) Petronation? Oil, gas, and national identity in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 31(1): 66–89.

Rutland P. (2010). The presence of absence: Ethnicity policy in Russia. In *Institutions, ideas and leadership in Russian politics*. London: Palgrave Macmillan UK: 116–136.

Schultz P. (2002) Environmental attitudes and behaviors across cultures. *Online readings in psychology and culture*, 8(1): 4–35.

Schwartz K.Z. (1999) Nature, development and national identity: The battle over sustainable forestry in Latvia. *Environmental Politics*, 8(3): 99–118.

Shmatko N.A., Kachanov Y.L. (1998) Territorial'naya identichnost' kak predmet sociologicheskogo issledovaniya [Territorial identity as a subject of sociological research.]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 4: 94–98 (in Russian).

Snow D.A., McAdam D. (2000) Identity work processes in the context of social movements: clarifying the identity/movement nexus. In: Stryker S., Owens T.J., White R.W. (eds.), *Self, identity, and social movements*. University of Minnesota Press: 41–67.

Stammler F., Peskov V. (2008) Building a 'culture of dialogue' among stakeholders in North-West Russian oil extraction. *Europe-Asia Studies*, 60(5): 831–849.

Stoll-Kleemann S. (2001) Barriers to nature conservation in Germany: A model explaining opposition to protected areas. *Journal of environmental psychology*, 21(4): 369–385.

Tilly Ch. (2009) Istoricheskaya sociologiya [Historical sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 5: 95–101 (in Russian).

Tishkov V.A. (2019) Rossijskaya identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy [Russian Identity: Internal and External Challenges]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 89(4): 408–412 (in Russian).

Tsumarova E.Y. (2014) *Politika identichnosti v regionah Rossii: teoreticheskij i prakticheskij aspekty (na primere Respubliki Kareliya)* [Identity politics in the regions of Russia: theoretical and practical aspects (on the example of the Republic of Karelia)]. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta (in Russian).

Tulaeva S., Snarskij Y. (2022) Zelenyj nacionalizm v syr'evom gosudarstve: ekologicheskaya povestka i nacional'naya identichnost' v rossijskih regionah [Green nationalism in a raw-material state: environmental agenda and national identity in the Russian regions]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 14(3): 4–33 (in Russian).

Turovec M.V. (2014) Protest kak racional'noe dejstvie [Protest as a rational action]. *Politicheskaya nauka* [Political science,], 4: 236–252 (in Russian).

Turovskij R.F. (1999) Regional'naya identichnost' v sovremennoj Rossii [Regional identity in modern Russia]. In: Turovskij R. (ed.) *Rossijskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticeskikh cennostej* [Russian society: the formation of democratic values]. Moscow: Gendalf: 87–136 (in Russian).

Turovskij R.F. (2003) Sootnoshenie kul'turnyh landshaftov i regional'noj identichnosti v sovremennoj Rossii [Correlation of cultural landscapes and regional identity in modern Russia]. Turovskij R. (ed.) *Identichnost' i geografiya v sovremennoj Rossii* [Identity and Geography in Modern Russia]. St. Petersburg: Gelikon Plus: 4–36 (in Russian).

Vadjunec J.M., Schmink M., Greiner A.L. (2011) New Amazonian geographies: emerging identities and landscapes. *Journal of Cultural Geography*, 28(1): 1–20. <https://doi.org/10.1080/08873631.2011.548477>.

Vorkinn M., Riese H. (2001) Environmental concern in a local context: The significance of place attachment. *Environment and behavior*, 33(2): 249–263.

Uzzell D., Pol E., Badenas D. (2002) Place identification, social cohesion, and environmental sustainability. *Environment and behavior*, 34(1): 26–53.

Wilson E. (2019) What is benefit sharing? Respecting indigenous rights and addressing inequities in Arctic resource projects. *Resources*, 8(2): 74.

Yusupova G. (2018) Cultural nationalism and everyday resistance in an illiberal nationalising state: ethnic minority nationalism in Russia. *Nations and Nationalism*, 24(3): 624–647.

Zadorin I.V. (2018) Regiony rubezha: territorial'naya identichnost' i vospriyatie osobosti [Regions of the frontier: territorial identity and the perception of specialness]. *Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz* [Politia. Analysis. Chronicle. Forecast], 2(89): 102–136 (in Russian).